

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ ДОМОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

И. Ф. Гиндин

Вопрос о государственном капитализме как явлении домонополистической экономики и политики мало занимал до недавнего времени советских исследователей. Авторы, изучающие современный империализм, обычно останавливаются лишь на отдельных проявлениях госкапитализма на Западе в XVI—XIX вв. и то в плане предыстории государственно-монополистического капитализма¹. Новые явления нашего времени, развал колониальной системы и вступление освободившихся стран Азии, Африки на путь самостоятельного экономического развития вызвали у советских исследователей повышенный интерес к изучению современного госкапитализма². В то же время в отдельных исследованиях по социально-экономической истории Японии и России выяснено, что проявления госкапитализма в этих странах во второй половине XIX в. были выражены гораздо сильнее, чем в период домонополистического капитализма на Западе³.

Тема данной статьи нуждается как в обстоятельной характеристике круга явлений, относящихся к госкапитализму, так и в сопоставлении госкапитализма на Западе с российским госкапитализмом.

Государственный капитализм как явление, сопутствующее развитию капитализма от его зарождения, представляет собой часть более широ-

¹ См., например, А. И. Шнейерсон. Подчинение буржуазного государства монополиям. М. 1958, стр. 7—19; Е. Л. Хмельницкая в вводной статье к сборнику «Государственная собственность в странах Западной Европы» (М. 1959) дает исторический очерк эволюции государственной собственности от зарождения капитализма и кончая домонополистической эпохой (стр. 5—11). В отличие от других авторов, касающихся лишь отдельных проявлений госкапитализма (вмешательство государства, государственная собственность), С. А. Далин трактует его как особое явление истории капитализма, предшествующее империалистической стадии (см. С. А. Далин. Военно-государственный монополистический капитализм США. М. 1961, стр. 5—17).

² Сборник «Государственный капитализм в странах Востока». М. 1960; Е. Брагина, О. Ульрих. Государственный капитализм в промышленности стран Востока. М. 1961; И. В. Васильев. Государственный капитализм в современной Бирме. М. 1961; А. И. Левковский. Особенности развития капитализма в Индии. М. 1963, гл. X, XI, и др. работы.

³ Я. А. Певзнер. Монополистический капитал Японии в годы второй мировой войны и после войны. М. 1950, стр. 8—26; см. его же. Государственно-монополистический капитализм в Японии после второй мировой войны. М. 1961, стр. 47—50. См. также Г. Норман. Возникновение современного государства в Японии. М. 1961, гл. III. В частности, Я. А. Певзнер указывает в последней работе и на однотипность госкапитализма в Японии и России. Как показано в моей работе (см. И. Ф. Гиндин. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М. 1960), Россия выделялась тогда интенсивным непосредственным госвмешательством в экономику, направленным на ускорение капиталистического развития страны. Для этого широко использовалось российское государственно-капиталистическое хозяйство, которое в то время было самым крупным в мире. Подойдя вплотную к проблеме госкапитализма в России, я не поставил ее. На это справедливо было обращено внимание в рецензии на книгу К. Н. Тарновским (см. «Вопросы истории», 1962, № 7).

кой проблемы, получившей глубокое теоретическое освещение в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Сущность этой проблемы состоит в выявлении роли эксплуататорского государства как активной экономической силы на всех стадиях развития капитализма, начиная от его возникновения как уклада внутри господствовавшей еще феодальной формации.

Однако с 1930-х годов, когда развернулась борьба с апологетическими лжетеориями «организованного капитализма» во всех его разновидностях («народный капитализм», «регулируемая экономика» и т. д.), стали забываться основные положения марксизма-ленинизма об экономической роли эксплуататорского государства. Критика названных лжетеорий исходила из беспорядного положения о коренном различии между советским плановым хозяйством и стихийным движением капиталистической экономики, на которое стремится воздействовать буржуазное государство. Однако догматический подход к оценке рассматриваемого явления привел в то время к отрицанию возможности обратного влияния государства на капиталистическую экономику. «Нельзя забывать о функциях государства в буржуазном мире,— писал И. В. Сталин.— Это институт организации обороны страны, организации охраны порядка, аппарат собирания налогов. Хозяйство же в собственном смысле мало касается капиталистического государства, оно не в его руках. Наоборот, государство находится в руках капиталистического хозяйства»⁴. Такая формулировка сняла, по существу, и надолго, самое проблему воздействия буржуазного государства на экономику⁵.

В связи с этим хочется напомнить, что Ф. Энгельс, выступая против недialeктичного понимания взаимодействия экономического базиса и политической надстройки, писал по адресу одного из упрощателей исторического материализма: «Ему следует взглянуть лишь в «18 б р ю м е р а» Маркса, где только почти и идет речь о той о с о б о й роли, которую играют политические битвы и события, конечно, в рамках их всеобщей зависимости от экономических условий: или «Капитал», например, отдел о рабочем дне, где так решительно действует законодательство, которое ведь есть политический акт; или отдел, посвященный истории буржуазии (24-я глава). К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (т. е. государственная власть) это есть тоже экономическая сила!.. Чего всем этим господам не хватает, так это диалектики»⁶.

Именно в 24-й главе «Капитала», давая классическую характеристику первоначального накопления капиталов, К. Маркс всесторонне выявил экономическую роль государства: влияние прямого насилия на ускорение формирования промышленного пролетариата, роль колониального грабежа в накоплении капиталов формирующейся буржуазии, значение раннего протекционизма для «фабрикации фабрикантов», роль госкредита в создании акционерных обществ и «современной банкократии» и т. д. Самостоятельное значение для понимания госкапитализма имеет и замечание К. Маркса о том, что недостаточность накопления капиталов вызывает как государственные субсидии отдельным лицам, так и закрепление государством за отдельными капиталистами монополии в производстве или торговле некоторыми товарами⁷.

Исходя из понимания государства как активной экономической силы, Ф. Энгельс в письмах Н. Даниельсону дал впервые материалистическое объяснение основ и значения государственной экономической поли-

⁴ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е, стр. 601—602.

⁵ См. К. Н. Тарновский. В сборнике «Об особенностях империализма в России». М. 1963, стр. 422—432.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 261.

⁷ См. К. Маркс. Капитал. Т. I. М. 1955, стр. 314—315.

тики. «Все правительства, даже самые абсолютистские, в конечном счете только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны. Они делают свое дело по разному—хорошо, плохо или посредственно; ускоряют или замедляют экономическое развитие с вытекающими из него политическими и юридическими следствиями, но в конечном итоге должны следовать за этим развитием»⁸. В той же переписке Ф. Энгельс оценивает пореформенную государственную экономическую политику в России в том смысле, что она ускоряла экономическое развитие страны⁹.

Следует подчеркнуть, что оценка Ф. Энгельсом роли государства в пореформенной России, то есть в период домонополистического капитализма, дана в том же плане, что оценка К. Марксом значения государства в период становления капитализма на Западе. И Маркс и Энгельс свидетельствуют о повышенной экономической роли государства в условиях недостаточного капиталистического развития и при экономической слабости буржуазии. Именно в этих условиях государство активно воздействует на ускорение развития капитализма.

С принципиально иных позиций оценивает Ф. Энгельс экономическую роль государства в период развитого домонополистического капитализма, «капитализма свободной конкуренции» на Западе. Разоблачая так называемый «государственный социализм» Бисмарка, Ф. Энгельс отмечал, что Германия за 30 лет после революции 1848 г. достигла к концу 70-х годов довольно значительного промышленного потенциала. Это произошло «без всякой помощи со стороны правительства, без субсидий или экспортных премий, и при таможенном тарифе, который по сравнению с тарифами других континентальных стран мог вполне сойти за фри-тредерский». Промышленность развивалась «на просторе свободной конкуренции»¹⁰. Поэтому в процессе разоблачения лже-социализма Бисмарка Ф. Энгельсом даже и не возникает вопроса о необходимости воздействия государства на ускорение капиталистического развития Германии. В своей критике Ф. Энгельс исходит из принципиально иной позиции: достигла ли Германия «на просторе свободной конкуренции» такой высокой степени развития капитализма, когда отдельные его отрасли «созрели» для того, чтобы сделаться «государственными отраслями хозяйства». «Всякая передача промышленных и коммерческих функций в руки государства,— писал Ф. Энгельс,— может иметь в наши дни (то есть в период развитого капитализма «свободной конкуренции».— И. Г.) двоякий смысл и двоякий результат... либо реакционный — шаг назад к средневековью, либо прогрессивный — шаг вперед к коммунизму»¹¹. В другом месте он поясняет: «...в конце концов государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено взять на себя руководство производством» тогда, когда «огосударствление станет экономически неизбежным». Бисмарк же «без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главные прусские железнодорожные линии». И осуществил это только по чисто политическим и финансовым соображениям. Все это необычайно усиливало мощь пруссачества¹².

Ф. Энгельс также показал, что новый протекционизм Бисмарка принципиально отличался от протекционизма США середины XIX в. или России второй половины того же столетия. Промышленность последних без такого протекционизма была не в состоянии выдержать на своем внутреннем рынке конкуренцию иностранных товаров. Германский тариф

⁸ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М. 1947, стр. 133.

⁹ Там же, стр. 131, 135—136.

¹⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 176, 177, 179.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 6.

¹² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 221—222; т. XXVII, стр. 6—7.

1878 г., пришедший на смену прежнему, «почти фритредерскому», был специально рассчитан на повышение внутренних цен, что позволило бы германским капиталистам продавать эти же товары за границей дешевле себестоимости¹³.

В свете последующей истории капитализма можно охарактеризовать теперь тариф 1878 г. как один из первых актов протекционизма на этапе перерастания домонополистического капитализма в империализм.

В. И. Ленин в своих трудах не раз отмечал активную экономическую роль эксплуататорского государства. Правительство России в пореформенный период, писал он в 1894 г., «поддерживало, охраняло и создавало» только буржуазию и капитализм¹⁴.

Давая в 1910 г. обобщающую характеристику тому периоду, который лежит между двумя поворотными пунктами русской истории, 1861 и 1905 годами, В. И. Ленин писал, что это был период «усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху»¹⁵. В статье «О кооперации» Владимир Ильич отметил: «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение «свободного» капитализма»¹⁶. Таким образом, В. И. Ленин указывал на активную роль государства в экономике как в зарождении и развитии капитализма вообще, так и в развитии российского капитализма после 1861 г. в частности. Активная экономическая роль государства подчеркивается в работах, написанных В. И. Лениным в самые различные годы. Более того, В. И. Ленин дает обобщенное понятие государственного капитализма как явления, свойственного капитализму. Формулируя положение о пяти укладах в экономике переходного периода от капитализма к социализму, В. И. Ленин называет среди них государственный капитализм. В отличие от других укладов (патриархального, мелкотоварного и частнокапиталистического), являвшихся прямым наследием экономики российского капитализма, государственный капитализм переходного периода был принципиально новым явлением¹⁷. Прежняя государственно-капиталистическая собственность, перейдя целиком в руки пролетарского государства, стала государственной социалистической собственностью. Банки и синдикаты были к тому времени национализированы, и тем самым ликвидированы все остатки государственно-монополистического капитализма. В основе того государственного капитализма особого рода, который необходимо было противопоставить стихии мелкотоварного хозяйства и частного капитала, лежала собственность пролетарского государства, передаваемая им на определенных условиях временно в концессию или в аренду частным капиталистам.

Объясняя, что пролетарское государство в силах направлять развитие капитализма в русло государственного капитализма, В. И. Ленин показывает, почему в условиях переходного периода экономически возможен государственный капитализм особого рода. «Это экономически возможно, ибо государственный капитализм есть налицо — в той или иной форме, в той или иной степени — всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще»¹⁸.

¹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 180—181.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 241—242.

¹⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 300.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 429.

¹⁷ «...Государственный капитализм в обществе, в котором власть принадлежит капиталу, и государственный капитализм в пролетарском государстве — это два различных понятия. В капиталистическом государстве государственный капитализм означает, что он признается государством и контролируется им на пользу буржуазии и против пролетариата. В пролетарском государстве то же самое делается на пользу рабочего класса, с целью устоять против все еще сильной буржуазии и бороться против нее» (В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 467).

¹⁸ Там же, стр. 323.

Таким образом, В. И. Ленин впервые¹⁹ указал на то, что государственный капитализм — явление, присущее развитию капитализма вообще, сопутствующее ему на всех стадиях развития, от низшей формы до высшей.

Советские историки и экономисты, занимающиеся вопросами госкапитализма как явления доминирующей экономики и политики в разных странах и притом даже в разные исторические эпохи, не пришли еще к единому определению государственного капитализма.

Наиболее общие признаки самых различных по форме проявлений государственного капитализма сводятся к широкому государственному вмешательству в экономику и к непосредственной хозяйственной деятельности государства как наиболее действенному средству такого вмешательства. Однако современный государственно-монополистический капитализм имеет по форме аналогичные с госкапитализмом проявления при принципиально глубоком отличии их экономической, социально-политической сущности и исторического значения. Государственно-монополистический капитализм — результат огромной концентрации производства, накопления капиталов, их централизации, смены свободной конкуренции монополией и перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический. Соединение силы монополий с силой государства в единый механизм служит интересам монополий, их обогащению, подавлению рабочего и национально-освободительного движения, спасению капиталистического строя, развязыванию империалистических войн. Растущее государственное вмешательство проникает во все сферы общественного производства. До крайности обостряется основное противоречие капитализма — между общественным характером производства и частной формой присвоения. Государственно-монополистический капитализм является выражением капитализма перезрелого, загнивающего и умирающего.

Государственный капитализм, напротив, порождается экономической и политической необходимостью, он возникает в условиях недостаточности капиталистического развития страны и направлен на ускорение этого развития средствами непосредственного государственного вмешательства в экономику. Выражая обратное влияние политической надстройки на экономику, госкапитализм в условиях зарождающегося и развивающегося капитализма имеет экономически прогрессивное значение. Но вместе с тем он укрепляет и политическую надстройку. Поэтому по мере усиления и роста капитализма, преодоления таких преград на пути его развития, как феодальные отношения или крепостнические пережитки, острая недостаточность накопления капиталов в стране и т. д., убывает и ускоряющее значение госкапитализма. Так, на Западе значительное развитие госкапитализма относится к зарождению капиталистического уклада и росту его внутри феодальной формации. После буржуазных революций и утверждения капиталистического способа производства госкапитализм теряет свое прежнее значение, многие типичные его проявления исчезают, а те, что сохраняются, приобретают в условиях капитализма «свободной конкуренции» иной смысл. В другую историческую эпоху госкапитализм стал проявляться в тех странах, которые с запозданием вступили на путь капиталистического развития и где новый способ производства утвердился без буржуазных революций, где сохранились сильные крепостнические пережитки в экономике и политической надстройке. В России и

¹⁹ Именно впервые; Ф. Энгельс, разоблачая в 1878—1880 гг. сущность бисмарковского лжесоциализма, вскрывает истинное значение огосударствления частных предприятий эксплуататорским государством, капиталистическую сущность государственной собственности. При этом Ф. Энгельс не прибегает к обобщенному понятию государственного капитализма.

Японии госкапитализм получил наибольшее распространение во второй половине XIX в., то есть в период домонополистического капитализма. В современную эпоху государственный капитализм стал типичным явлением лишь для стран, капиталистическое развитие которых было надолго задержано колониализмом и которые лишь теперь стали на путь самостоятельного экономического развития.

Таким образом, в разные исторические эпохи госкапитализм имеет общую направленность на ускорение капиталистического развития²⁰.

Однако социально-политическое значение госкапитализма в разные эпохи и в разных странах не одинаково. Оно определяется классовой природой данного государства, отражая одновременно и противоречия между господствующими классами, крупной буржуазией и помещиками. На Западе в период первоначального накопления, в России и Японии в период домонополистического капитализма абсолютистское государство стремилось посредством госкапитализма укрепить себя экономически и найти новую социальную опору в лице крупной буржуазии. Такую политику оно пыталось совместить с обеспечением экономических интересов феодалов (на Западе) или крепостников-помещиков (консервация крепостнических пережитков в России).

Особенно сложным и противоречивым является современный государственный капитализм, развивающийся в условиях распада колониальной системы мирового империализма и третьего этапа общего кризиса капитализма. Социально-политическое значение современного госкапитализма определяется не только классовым характером новых суверенных государств, но и классовой борьбой в них, а также опосредствованно и растущим влиянием сил социализма. Отсюда, с одной стороны, антифеодалная и антиимпериалистическая направленность современного госкапитализма; с другой — заложенные в нем потенциальные возможности могут стать средством для экономического развития освободившихся стран по некапиталистическому пути²¹.

Проявления государственного капитализма весьма многообразны и поддаются лишь самой общей классификации.

Прежде всего государство непосредственно выступает в качестве капиталистического предпринимателя и собственника государственных предприятий (промышленных и торговых, транспортных и связи), государственных банков, государственных земель, недр, лесов и тому подобных имуществ, необходимых в процессе капиталистического воспроизводства. От эксплуатации таких предприятий и имущества государство получает капиталистические доходы (прибыль, земельную ренту). Однако в отличие от частных капиталистов получение таких доходов не является главной целью государства. Государственно-капиталистические предприятия в прошлом, как правило, организовывались и велись государством потому, что капиталисты еще были не в состоянии учреждать подобные предприятия. Впоследствии госпредприятия нередко передавались капиталистам на льготных условиях. Государство использовало принадлежавшие ему предприятия, банки, имущества для насаждения частных предприятий и ускорения их роста, допуская сознательно ущерб коммерческим выгодам от эксплуатации госпредприятий и имущества.

²⁰ Этот исторический смысл госкапитализма не меняется оттого, что в конкретной исторической обстановке он фактически может слабо или вообще не использоваться в указанных целях. Если, например, некоторые слаборазвитые страны в современных условиях ориентируются на империализм или даже идут на военный союз с ним, то в результате этого и проявления государственного капитализма в таких странах ослабляются, становятся малоэффективными, не ведут к усилению их экономической независимости. Однако это не меняет общей оценки объективной роли современного госкапитализма как явления, направленного на укрепление экономической и политической независимости освободившихся стран.

²¹ См. «Национально-освободительное движение на современном этапе». «Коммунист», 1962, № 13, стр. 65—109.

Госпредприятия и другие виды государственно-капиталистической собственности — это наиболее наглядное и очевидное проявление государственного капитализма в домонополистический период. Поэтому в нашей литературе до сих пор еще сводят госкапитализм порой только к этому единственному его проявлению (госсектору). На самом деле непосредственная хозяйственная деятельность эксплуататорского государства выходит за рассмотренные рамки. Многочисленны и разнообразны государственные имущества, которые служат выполнению военных, административных, карательных и культурных функций государства (военные сооружения, флот, вооружение и всякого рода военное имущество, административные здания и тюрьмы, школы и больницы и т. п.). Все эти госимущества не относятся к государственно-капиталистической собственности, так как не используются в капиталистическом производстве и не являются источником капиталистических доходов. Однако сооружение и приобретение таких имуществ, то есть государственные массовые (прежде всего военные) заказы, закупки и подряды относятся к непосредственной хозяйственной деятельности государства. Практически они наравне с госпредприятиями и государственно-капиталистическими имуществами используются для развития и укрепления частных предприятий.

Особо надо выделить государственное финансирование частных предприятий в виде субсидий, долгосрочных ссуд и кредитов, которые резко отклоняются от коммерческих основ капиталистического кредита и финансирования.

Наряду с охарактеризованными выше существуют и такие проявления госкапитализма, которые выходят за пределы непосредственной хозяйственной деятельности государства. Так, К. Маркс ставил государственные субсидии отдельным капиталистам в один ряд с предоставлением им монополии на ведение производства или торговли в той или иной отрасли. К подобной форме государственного вмешательства в пользу определенной группы капиталистов относится временное, более или менее длительное непосредственное участие государства в управлении частных предприятий ради их укрепления или сохранения (при надвигающемся банкротстве). Широко практикуются такие формы госкапиталистического вмешательства в экономику, как ограничение конкуренции или «свободы» учредительства с помощью законодательных и административных мер, как государственный надзор и регламентация деятельности частных предприятий. Подобные меры переплетаются с экономическим воздействием, связанным с непосредственной хозяйственной деятельностью государства и направленным в пользу узких групп капиталистов. И те и другие в совокупности являются основой ранних частных монополий и полумонополий, характерных для периода становления капиталистического уклада на Западе.

Напротив, для современного госкапитализма в странах Востока наряду со всевозможной поддержкой частных предприятий характерным является самостоятельное развитие и самодовлеющее значение государственного сектора в экономике страны.

И последнее — это вопрос о соотношении госкапитализма и государственной экономической политики, которая во всех своих проявлениях есть государственное вмешательство в экономику, но в гораздо более общем и широком смысле, чем госкапитализм²².

²² Нельзя поэтому согласиться с таким определением госкапитализма: «Государственное вмешательство в экономическую жизнь в эпоху капитализма свободной конкуренции получило название государственного капитализма» (С. А. Далин. Указ. соч., стр. 10). Подобное определение приводит к отождествлению госкапитализма и экономической политики, дает им равнозначное содержание. Тем самым выпадает и специфическое значение госкапитализма, его направленность на ускорение капиталистического развития.

Госкапитализм как явление, сопутствующее капитализму от момента его становления до перерождения в монополистический, неразрывно связан с государственной экономической политикой, представляет собой орудие, средство этой политики. В определенных конкретных условиях госкапитализм в силу экономической и политической необходимости становится наиболее действенным средством ускорения капиталистического развития. Однако он еще может не выражать назревшей степени обобществления (концентрации) производства. Ранние государственные или частные монополии сменяются многими менее концентрированными акционерными предприятиями²³.

Проявления госкапитализма могут сужаться, и он даже иногда утрачивает свою функцию в смысле ускорителя капиталистического развития, как это имело место на Западе в период свободной конкуренции²⁴. Поэтому госкапитализм как средство экономической политики может быть четко отделен от остальных «негоскапиталистических» мер той же экономической политики лишь в их крайних проявлениях.

Таковы, с одной стороны, непосредственная хозяйственная деятельность государства, а с другой — «общие меры» экономической политики, характерные для «классического» капитализма свободной конкуренции Запада. Такие меры преследуют обеспечение общих условий капиталистической эксплуатации, «свободы» предпринимательской деятельности («свободы» конкуренции, учредительства и т. д.). Общие меры выражаются в развитии путей сообщения и средств связи, в таможенной охране промышленности, в поддержании устойчивого денежного обращения, в таком торгово-промышленном законодательстве, которое отвечает «свободе» предпринимательской деятельности и отвергает ее ограничение в пользу узких групп и отдельных капиталистов. В результате классовой борьбы пролетариата возникают и общие меры, ограничивающие наиболее грубые формы эксплуатации, в виде рабочего законодательства, позднее страхования рабочих.

Однако в период становления капитализма на Западе те же самые общие меры экономической политики наравне с госкапитализмом были направлены на преодоление препятствий развитию капитализма, на его ускорение. Так, ранний протекционизм (меркантилизм) существенно отличался от таможенной охраны промышленности домонополистического капитализма прямой регламентацией ввоза товаров, вплоть до запрещения импорта иностранных и вывоза отечественных, установлением монополии государственной или частной (отдельных капиталистов, компаний) на ввоз или вывоз некоторых товаров и т. п. Иначе говоря, в период зарождения капитализма на Западе экономическая политика в целом, не исключая и общих ее мер, сводилась к государственно-капиталистическому вмешательству в экономику и проводилась государственно-капиталистическими методами. Это наблюдалось в России, но в иных исторических условиях — в период домонополистического капитализма.

Рассмотрение госкапитализма на Западе в ранний период и его изменений в XIX в. необходимо для правильного и четкого понимания российского госкапитализма.

²³ Иначе происходит в эпоху империализма. Монополистический капитализм перерастает в государственно-монополистический капитализм, который пронизывает собой всю экономическую политику, доводит до предела государственное вмешательство в экономику, наполняет новым содержанием старые и находит новые формы такого вмешательства.

²⁴ Это относится и к современному госкапитализму в новых политически независимых государствах. Под внешним давлением империализма и при победе поддерживаемых им реакционных сил госкапитализм может убывать и терять свою экономически прогрессивную функцию, например, может сокращаться и госсектор, уступая свои позиции частнокапиталистическому предпринимательству.

Государственное вмешательство в западных капиталистических странах в своем развитии прошло три крупных исторических этапа. Первый этап охватывает зарождение и формирование капиталистического уклада (период первоначального накопления) до победы капиталистического способа производства. Второй этап — домонополистический капитализм и начало империализма до первой мировой войны. Третий этап начинается с мировой войны 1914—1918 гг. и определяется развитием общего кризиса капитализма и перерастанием монополистического капитализма в государственно-монополистический с его многосторонним государственным вмешательством в экономику. В интересах монополистической буржуазии получает небывалый размах и непосредственная хозяйственная деятельность государства. Госкапитализм в этом смысле становится органической составной частью государственно-монополистического капитализма²⁵.

Первый период²⁶ отличается весьма активной ролью государства в первоначальном накоплении капиталов, его вмешательством в экономику с целью ускорения капиталистического развития. Государство интенсивно участвует в экспроприации мелких производителей и создании армии наемного труда. Путем колониальных войн и организованного колониального грабежа, осуществляемого монопольными торговыми компаниями (Ост-индской и др.), государство способствует образованию крупных капиталов формирующейся буржуазии. В этом же направлении действуют драконовские законы против формирующегося пролетариата, которые ведут к возрастанию выколачиваемой капиталистами прибавочной стоимости. Перераспределению национального дохода в пользу буржуазии способствует развитие налоговой системы и государственного кредита.

Государство активно насаждает промышленность в форме капиталистических мануфактур. Оно не только способствует их организации, но и участвует в образовании капиталов и повышении их прибыли. Мануфактуристам государство выдает ссуды, субсидии, вывозные премии, освобождает их от налогов, нередко передает им земли и здания, иногда предоставляет дешевую рабочую силу (из тюрем и рабочих домов). Государство закрепляет за учредителями мануфактур привилегии, то есть право исключительного производства данных изделий в стране на ряд лет, запрещая одновременно их ввоз из-за границы, и создает таким образом для новых мануфактурных производств монопольное положение. Внешнеторговая политика (меркантилизм) также преследует насаждение частной мануфактурной промышленности.

Государство и само выступает в качестве крупного предпринимателя. Как феодальный владелец горнорудных земель, оно организует горнозаводские предприятия, а для своих военных нужд оружиевые, пороховые и т. п. мануфактуры. При отсутствии частных учредителей государство берет на себя организацию и ведение крупных мануфактур —

²⁵ Однако госкапитализм в этот период не исчезает, не растворяется без остатка. «...Частные и государственные монополии, — писал В. И. Ленин, — переплетаются воедино в эпоху финансового капитала» (В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 238; см. также т. 25, стр. 312, 321). Эта сторона ленинской теории госмонополистического капитализма не привлекала внимания исследователей современного империализма. Но она имеет особое значение для историков российского капитализма, потому что в отличие от Запада Российское государство не стало «комитетом по управлению делами монополистической буржуазии», а сохраняло вплоть до 1917 г. свою старую, помещичью классовую основу.

²⁶ Теоретической основой для понимания госкапитализма на первом этапе является 24-я глава I тома «Капитала». Кроме того, в качестве фактической основы использованы упомянутые работы А. И. Шнейерсона, Е. Л. Хмельницкой, С. А. Далина. Некоторые конкретные данные содержатся и в русской буржуазной литературе, в первую очередь в многократно переиздававшейся работе: И. М. Кулишер. История экономического быта Западной Европы. Т. II. М.-Л. 1931, гл. XI—XIII, XXIV.

шерстяных, шелковых, фарфоровых и т. д. (королевские мануфактуры во Франции XVII—XVIII вв.). Для сохранения крупных мануфактур обанкротившихся владельцев государство включает их в свое управление или в собственность. В целом период становления капитализма на Западе выделяется интенсивным государственным вмешательством в экономику и огромной затратой государственных средств с целью ускорения развития капитализма. Такая направленность характерна для всей экономической политики в целом. Проводится последняя теми же госкапиталистическими методами и тесно сближается с госкапитализмом. Все же то и другое необходимо различать. Во-первых, общие меры экономической политики отвечали интересам значительной части формирующейся буржуазии или крупных ее слоев, госкапитализм — интересам гораздо более узких групп, иногда даже и отдельных капиталистов. Общие меры, смыкающиеся с госкапиталистической политикой, были в ту эпоху типичны почти для всех стран Западной Европы. Госкапитализм носил ограниченный характер в таких ведущих тогда странах, как Нидерланды и Англия. Они опередили прочие страны размахом колониального грабежа и соответственно первоначального накопления капиталов. Поэтому отпадала необходимость и в государственном финансировании частных капиталистов. Государство могло ограничиться созданием и поддержкой монопольных колониальных компаний, привилегированного Английского банка и т. п. Напротив, государственный капитализм в виде госмануфактур и поддерживаемых частных предприятий получил большое распространение и продержался во Франции почти до конца XVIII в., в Австрии, Пруссии и других немецких государствах — до второй четверти XIX века.

В России зарождение и формирование капиталистического уклада сопровождалось не меньшим государственным вмешательством в экономику, чем это было на Западе. Начатое в конце XVII в., но особенно при Петре I, насаждение мануфактурной промышленности стало проводиться сходными с Западом способами. Создавались самим государством для усиления его военной мощи мануфактуры горно-металлические, оружейные, судостроительные и т. д., некоторые передавались впоследствии частным владельцам. Организация частных мануфактур сопровождалась в России сходными с Западом формами государственного финансирования (субсидии, ссуды, освобождение от налогов), выделением бесплатно государственных земель, зданий и т. д.

Однако в условиях российской феодально-крепостнической формации XVIII в. все эти виды поддержки нарождавшейся мануфактуры, столь важные на Западе, стали в России побочными по сравнению с главной и решающей поддержкой — закреплением за владельцами мануфактур крепостной рабочей силы (или предоставлением права приобретать ее владельцам-купцам). Так, насаждение промышленности порождало посессионные и вотчинные мануфактуры, базирующиеся на крепостном труде. Целиком на принудительном труде действовали и госмануфактуры.

Все это вело к росту производительных сил внутри все еще непоколебленной феодально-крепостнической формации. И в то же время эти явления не способствовали ускорению формирования капиталистического уклада (последний в лице чисто купеческой мануфактуры и тем более крестьянской промышленности почти не пользовался государственной поддержкой). Напротив, поощряемый крепостническим государством рост производительных сил приспособлялся по крайней мере до XIX в. к старой формации.

Весьма своеобразно складывалась тогда в России колониальная политика, ее влияние на первоначальное накопление капитала.

Возможность практически безграничного расширения Российского государства в южном и восточном направлениях привели к огромным

земельным приобретениям. Однако это были малонаселенные территории, не дававшие притока драгоценных металлов или высокоценных «колониальных» товаров. Тем самым захваты новых земель приводили не столько к первоначальному накоплению капитала, сколько к росту вширь феодально-крепостнических отношений, а в итоге и к укреплению их в «метрополии» — коренном центре страны — и к огромному увеличению феодально-крепостнической государственной собственности. Такие первостепенные для Запада источники первоначального накопления капиталов, как расхищение государственных земель, денежные налоги и откупа, государственные подряды и поставки, торговые монополии, были в России в значительной части использованы до XIX в. для обогащения дворянско-помещичьих верхов, что суживало накопление капиталов формирующейся буржуазии. Лишь с начала XIX в. откупа и государственные подряды постепенно стали источником обогащения, главным образом буржуазии, прекратился и характерный для XVIII в. экономический и социальный переход крупных ее представителей в ряды феодальной знати.

Примечательно, что в России огромные государственные земельные имущества и важнейшие государственные промышленные предприятия, особо поддерживаемые частные горнозаводские предприятия Урала и Центрального района сохранили свою феодально-крепостническую природу вплоть до реформы 1861 года. Одни лишь государственные дореформенные банки XVIII — первой половины XIX в. могут быть отнесены к государственно-капиталистическим предприятиям, и то потому, что само возникновение их стало возможно только в условиях некоторого развития капиталистических отношений. Дальнейшему развитию этих отношений банки, по существу, не способствовали. Они использовались правительством в интересах помещиков и крепостнического государства: интересы буржуазии учитывались в ничтожных размерах, и притом весьма противоречиво²⁷.

Таким образом, интенсивное государственное вмешательство в экономику в период становления капитализма привело в России по сравнению с Западом к прямо противоположным результатам: не столько к ускорению формирования капиталистического уклада, сколько к укреплению старой феодальной формации²⁸.

В период домонополистического капитализма государственный капитализм эволюционировал, по существу, в противоположных направлениях в западных странах, с одной стороны, в России (и Японии) — с другой.

На Западе с победой капиталистического способа производства и особенно с приходом к власти крупной буржуазии непосредственное государственное вмешательство в экономику госкапиталистическими ме-

²⁷ См. С. Я. Боровой. Кредит и банки в России до 1860 г. М. 1958. Разделяя основные взгляды автора относительно системы докапиталистических банков в России, я расхожусь с ним в оценке роли банков в первоначальном накоплении (она представляется мне необоснованно преувеличенной) и в объяснении того, как и в чем проявилось влияние дореформенных банков на задержку развития капиталистического банковского кредита в России (см. И. Ф. Гиндин. О кредите и банках докапиталистической России. «Вопросы истории», 1961, № 7, стр. 139, 144—145).

²⁸ Выше использованы и частично переосмыслены в плане предыстории российского госкапитализма работы советских исследователей по истории мануфактурного периода промышленности, первоначального накопления в России и экономической политики дореформенного периода (см. о них А. Л. Сидоров. Некоторые проблемы развития российского капитализма в советской исторической науке. «Вопросы истории», 1961, № 12, стр. 26—43; а также «Очерки по экономической истории России первой половины XIX в.». М. 1959; С. Я. Боровой. Указ. соч.).

годами резко сокращается²⁹. Крупная буржуазия в условиях развивающегося по восходящей линии капитализма убеждена, что ей благоприятствует именно «свободное» стихийное движение капитализма. Вся система прежней государственной «опеки» объявляется несовместимой с экономической «свободой» буржуазии. Государству отводятся военнополицейская охрана устоев капиталистического строя, подавление эксплуатируемых классов и отставание не только политических, но и внешнеэкономических интересов буржуазии. К ним относится внешнеторговая политика, в том числе таможенная защита от конкуренции иностранных товаров, эксплуатация колоний новыми экономическими средствами наряду со старыми формами военного грабежа (и не только колоний, как видно на примере франко-прусской войны). Ограбив Францию на 5 млрд. франков, Германия с их помощью совершила скачок в своем капиталистическом развитии.

Внутри же страны теория и практика экономической политики отходят от прежних госкапиталистических методов. В этой политике доминируют охарактеризованные выше общие меры, которые отвечают общеклассовым интересам крупной буржуазии. Государственные предприятия и непосредственная хозяйственная деятельность государства меняются и в объеме и по существу.

Старые госпредприятия, унаследованные от предшествующего периода, в отдельных случаях сохраняются, но теряют свое прежнее значение; позже других это происходит с государственными военными заводами. По-прежнему существуют, расширяются, возникают новые госпредприятия по торговле теми массовыми товарами, которые облагаются крупными косвенными налогами, так называемые фискальные монополии. Сохранившиеся в собственности государства земли, недра, леса и т. п. имущества передаются в эксплуатацию капиталистам и становятся источником поступления ренты. Продолжается хозяйственная деятельность, связанная с выполнением функций управления и обороны, то есть выдаются частным капиталистам военные и другие заказы и подряды.

Однако значение всех перечисленных видов экономической деятельности государства в масштабах капиталистического хозяйства второй половины XIX в. становится весьма скромным. Государственно-капиталистическое хозяйство не может сколько-нибудь заметно влиять на общий рост капитализма или же на обогащение крупной буржуазии. Содействие государства еще большему обогащению ее влиятельной группы начинается лишь в конце XIX в. с ростом милитаризма — предвестником наступления новой монополистической эпохи.

Периоду домонополистического капитализма свойственны и новые проявления госкапитализма. Причиной их является бурное развитие производительных сил: появление парового транспорта, расширение средств связи, рост городов, развитие коммунального хозяйства.

Строительство железных дорог требует вложения крупных капиталов. При сооружении больших магистралей, помимо длительного срока строительства, возможны еще несколько первых лет бездоходной эксплуатации. Сооружение железных дорог и железнодорожные тарифы оказывали крупное влияние на экономику страны. Поэтому строительство железных дорог и их эксплуатация нуждались в некоторой степени как в финансовой помощи государства, так и в регулировании с его стороны. Строительство дорог государством было на Западе редким явлением, вызывалось оно нерентабельностью крупных железнодорожных линий, прокладываемых в еще экономически не развитых районах, или магистралей, нужных только по военным соображениям. По тем же при-

²⁹ Теоретическая основа для понимания госкапитализма на втором этапе дана в указанных выше работах Ф. Энгельса. Нами использованы и упомянутые в сноске 26-й работы советских авторов, а также буржуазная литература о железнодорожном строительстве в России и на Западе.

чинам или вследствие банкротства частных обществ возникла эксплуатация дорог государством. Финансовая поддержка государством крупных предприятий морского транспорта была частной задачей, связанной со всей внешнеторговой и валютной политикой.

Почта, как отмечал Ф. Энгельс, созрела раньше всего для обобществления ее капиталистическим государством, то же самое происходило с новыми видами связи (телеграф). Предприятия городского благоустройства, как правило, становились не государственными, а коммунальными, и то не полностью и не во всех странах. Необходимость регулирования денежного обращения в масштабе всей страны и финансово-технические потребности казначейства привели к созданию привилегированных центральных банков — с монопольным правом выпуска банкнот и сосредоточением всех кассовых операций и средств казначейства. Тем не менее центральные банки почти всех стран Запада оставались до первой мировой войны частными акционерными обществами, подчиненными известному надзору со стороны государства.

Таким образом, своеобразиие госкапитализма на Западе на втором этапе (в период домонополистического капитализма) заключалось в следующем: 1. В одной своей части госкапитализм представлял собой остаточные явления, связанные с выполнением общих функций государства — военных (некоторые госзаводы, военные заказы и т. п.) и чисто финансовых (фискальные монополии, рентные доходы от госземель, лесов, недр и т. п.). 2. В новой своей части госкапитализм был непосредственно связан с общими мерами экономической политики, развитием путей сообщения, средств связи, организацией денежного обращения и т. п. При этом госкапитализм в новых сферах был подчинен целям, которым служат указанные меры, то есть обеспечению общих условий капиталистической эксплуатации. 3. Непосредственная хозяйственная деятельность государства по сравнению с первым этапом в одних странах сужается, а в других даже возрастает количественно. Однако главное заключается в качественном изменении госкапитализма. Он перестает использоваться, служить ускорению капиталистического развития. После утверждения капиталистического способа производства историческая функция госкапитализма стала на Западе ненужной.

С началом перерастания «свободного» капитализма в монополистический госмонополии становятся одной из форм обобществления производства. С XVI в. и до этого момента госкапитализм представляет собой совершенно иное и притом сложное явление. Необходимо четко отличать госкапитализм как непосредственную хозяйственную деятельность государства от использования этой деятельности в целях экономической политики. На первом историческом этапе госкапитализма в Западной Европе обе стороны — как хозяйственная деятельность, так и госкапиталистическая политика — тесно связаны. Сама организация госпредприятий диктуется госкапиталистической политикой. Частные предприниматели не в состоянии организовать новые предприятия, освоить новую технику. Для подталкивания их в этом направлении создаются госпредприятия. Напротив, в период домонополистического капитализма хозяйственная деятельность государства (как подсобная к общим его функциям и к общим мерам экономической политики) почти не используется в госкапиталистических целях. Отчетливым признаком этой перемены является стремление государства поставить во главу угла свои чисто хозяйственные интересы³⁰. 4. Государственный капитализм как непо-

³⁰ Принципиальное различие между госкапиталистическим использованием госпредприятий и коммерческим подходом к их деятельности достаточно проиллюстрировать на бесспорно доказательном примере. В России в течение всего периода капитализма государственные железные дороги неизменно использовались для госкапиталистической поддержки транспортного машиностроения. На запрос министерства финансов, выяснявшего в 1908 г. положение дел в этой области за рубежом, в Управле-

средственная хозяйственная деятельность государства в изменившемся ее качестве имел на втором этапе неодинаковое распространение. Наименьшим оно было в Англии и США, наибольшим — в Германии, и то лишь с конца 70-х годов. В Англии железные дороги строились без государственной помощи и оставались частнокапиталистическими предприятиями вплоть до 40-х годов XX века. В США они до сих пор все еще являются частными. Но еще характернее, что там и телеграфно-телефонная связь и значительная часть городского обслуживания и сегодня представлены частнокапиталистическими предприятиями.

В Германии внешние проявления госкапитализма были значительными. Однако, как исчерпывающе показал Ф. Энгельс, они возникли без какой бы то ни было экономической необходимости, по чисто политическим и финансовым соображениям, исключительно в целях укрепления реакционного государства.

При некотором внешнем сходстве германского и российского госкапитализма (наибольшее внешнее сходство — огосударствление железных дорог) между ними была коренная принципиальная разница в использовании госкапитализма³¹. В отличие от Германии экономическая политика России второй половины XIX в. была насквозь госкапиталистической.

Начало государственного капитализма в его историческом значении и функции ускорения капиталистического развития относятся в России целиком к пореформенному периоду.

За короткий исторический срок российский госкапитализм прошел три этапа. Он возник в 60-х годах и сложился в его характерных для России чертах в 70—80-х годах. Своего высшего развития российский госкапитализм достиг в 90-х — самом начале 1900-х годов. Затем после революции 1905—1907 гг., нисколько не убывая количественно в своих проявлениях, он потерял относительно прогрессивные функции ускорения капиталистического развития страны.

Ликвидация крепостных отношений «сверху» самим помещичьим государством не изменила его классовой сущности. Сохранение политической власти помещиков и их полукрепостнических латифундий в новых социально-экономических условиях стало возможным лишь при условии экономического роста страны, то есть по пути развития капитализма. И в то же время на этом пути крупным препятствием было сохранение правительством крепостнических пережитков. В подобных противоречивых условиях общие меры экономической политики, включая таможенную охрану промышленности, были недостаточно эффективными. Правительство вынуждено было стать на путь форсирования капиталистического развития страны, опираясь на государственный капитализм, многосторонне используя различные формы государственного вмешательства в экономику.

Российское государство унаследовало от крепостнического периода огромные имущества: земли, недра, леса, горнозаводские предприятия, военные заводы. Все эти имущества стали после реформы 1861 г. государственно-капиталистической собственностью, а предприятия — государственно-капиталистическими. Последние вскоре значительно расширились за счет железнодорожного строительства и хозяйства. Вместо ликвидированных банков, существовавших до реформы, был создан Государственный банк — центральный банк страны, ставший после денеж-

нии государственных железных дорог Франции «разъяснили, что они никогда не преследуют цели поддерживать данные отрасли или какие-либо заводы и стремятся получить (от поставщиков.— И. Г.) лучшие и наиболее выгодные условия» (ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 5, д. 22, лл. 42—43).

³¹ См. сборник «Об особенностях империализма в России», стр. 118—120.

ной реформы 1895—1897 гг. эмиссионным банком России. Значение его в непосредственном кредитовании промышленности и торговли было несравненно большее, чем центральных банков на Западе, что выражало повышенную роль Российского государства в кредитной системе страны. Больше того, правительство широко использовало банк для поддержки крупных предприятий и частных банков путем их государственного финансирования, принципиально отличного от банковского краткосрочного кредита³². В том же направлении шли средства бюджета (ссуды и субсидии), государственные заказы и подряды. В 80-х годах были учреждены государственные земельные банки, Дворянский и Крестьянский, которые приобрели решающее значение в области ипотечного сельскохозяйственного кредита и выражали использование государственного капитализма в интересах крепостников-помещиков.

Россия в период капитализма отличалась интенсивным непосредственным государственным вмешательством в экономику. Буржуазная «свобода» предпринимательской деятельности ограничивалась как экономическими, так и административными мерами, законодательными актами. Вплоть до 1917 г. сохранялась разрешительная система учреждений акционерных обществ (банков даже не акционерных), увеличения их капиталов и любого изменения их уставов.

Главным объектом форсирования экономического развития страны в пореформенный период, и на первом этапе и позднее, было железнодорожное строительство. В экономико-географических условиях России создание железнодорожной сети было ведущим звеном ускорения капиталистического развития вообще, а капиталистической индустриализации непосредственно. От степени и характера развития сети железных дорог зависели как темпы роста торгового земледелия, так и расширение рынков сбыта промышленной продукции. Особое значение имело железнодорожное строительство для тяжелой промышленности, прежде всего для возникновения новых ее центров на юге страны и в Баку. Железнодорожное строительство вместе с действующими железными дорогами стало во второй половине XIX в. главным потребителем продукции новой металлургии, основным — угля и нефти, монопольным заказчиком для заводов транспортного машиностроения. Последние же, в свою очередь, являлись базой развития типичных для России крупных многоотраслевых машиностроительных заводов (Путиловский, Коломенский и т. п.).

Характерный для «молодых» капиталистических стран недостаток в капиталах усугублялся в России тем, что правительство в весьма больших размерах использовало внутренний денежный рынок для непроизводительных государственных займов и столь же непроизводительного ипотечного кредита помещикам, то есть растрчивало без пользы для экономики страны крупную долю внутренних денежных капиталов. Поэтому железнодорожное строительство могло осуществляться только за счет притока капиталов извне, а привлечение их было возможным лишь при непосредственном участии правительства, при его ответственности за целостность и доходность этих капиталов (государственные или гарантированные правительством железнодорожные займы). Такое привлечение капиталов сопровождалось огромными затратами государственных средств на строительство и эксплуатацию железных дорог, ставшими одной из основных причин дефицитности государственного бюджета до конца 80-х годов. На первом этапе формально преобладало частное железнодорожное строительство и хозяйство, которое и на Западе пользо-

³² Такое финансирование производилось в виде долгосрочных неуставных ссуд, то есть не предусмотренных уставом банка и выдававшихся вплоть до революции 1905—1907 гг. в особом порядке (по докладу министра финансов и санкции царя по каждой ссуде в отдельности и притом секретно). Ничего подобного или аналогичного не было в практике центральных банков других стран.

валось государственной поддержкой. Однако в России государственная помощь достигла таких огромных размеров, что превратилась, по существу, в широкое и решающее участие государства в «частных» железных дорогах. Благодаря этому к концу 70-х годов была заложена основа железнодорожной сети России, достигшая к 1881 г. 21 тыс. верст (из которых в одно десятилетие, 1866—1875, было сооружено 14 тыс.).

Российское государство являлось крупнейшим потребителем продукции ряда отраслей тяжелой промышленности как главный участник (а со второго этапа — собственник) строительства железнодорожного транспорта, как государство с самыми крупными в то время военными расходами в мирное время.

Государственный капитализм использовался правительством для создания и развития крупных предприятий новых отраслей тяжелой промышленности. В 60—70-х годах основными объектами такой политики были транспортное машиностроение, сталелитейные — рельсовые предприятия («передельная» металлургия), военные заводы, единичные предприятия других отраслей. Новым предприятиям с конца 60-х — до 80-х годов предоставлялись многолетние заказы. Они выдавались по завышенным ценам или же отдельно выплачивались премии за производство новой продукции. Тем самым заводам обеспечивался устойчивый сбыт и покрытие повышенных издержек производства в период освоения новой продукции и сверх этого еще «достаточная» прибыль. Большая часть необходимых капиталов также предоставлялась государством в виде долгосрочных авансов и ссуд из средств казначейства или Государственного банка. В результате потребность в рельсах и подвижном составе для строительства и эксплуатации железных дорог к концу 70-х годов могла полностью удовлетворяться с помощью русских заводов, не прибегая к импорту³³.

Весьма значительным было участие правительства в организации первых банков и помощи им в годы создания капиталистической кредитной системы (1863—1873). Накануне кризиса 1873 г. при первых заминках в росте банков было запрещено законом учреждение новых акционерных коммерческих банков. Это делалось ради укрепления уже действующих. Закон был отменен лишь в 1883 году. Однако и после этого в интересах существующих банков учредительство новых акционерных коммерческих банков тормозилось, а акционерных земельных банков вообще не разрешалось. Такая политика, независимо от ее мотивов, объективно вела к фактической монополии банков, учрежденных в первые 10—12 лет после реформы 1861 года³⁴.

Во время кризисов, общей депрессии, а также хозяйственных затруднений районного или отраслевого масштаба государство оказывало щедрую помощь крупным предприятиям и банкам, финансировало их, в частности выдавало значительные долгосрочные ссуды из Государственного банка, всячески стремясь сохранить пошатнувшиеся предприятия и банки. Резкое сокращение железнодорожного строительства в 80-х годах привело к сильному падению спроса на продукцию предприятий транспортного машиностроения и рельсовых заводов. Правительство стало им выдавать заказы на ненужные железным дорогам

³³ С помощью изложенных мер были созданы или полностью реконструированы из незначительных предприятий в крупные, с 2—3 тыс. рабочих, такие заводы, как Коломенский, Сормовский, Невский, вагонный и паровозный Мальцова, Путиловский, Брянский, Варшавский сталелитейный, Обуховский, Балтийский (см. И. Ф. Гиндин. К вопросу об экономической политике царского правительства в 60—80 годах XIX века. «Вопросы истории», 1959, № 5, стр. 72—73).

³⁴ Из девяти крупнейших банков-монополистов в период империализма семь возникли до 1872 г., два своим укреплением тоже были обязаны правительству. Число акционерных коммерческих банков в России лишь к 1914 г. достигло 50, тогда как в странах Запада их насчитывалось сотни, а в США — тысячи (см. подробнее И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки. М. 1948, стр. 185, 216—218).

паровозы и рельсы. В результате образовались крупные многолетние «казенные запасы» паровозов и рельсов. Ради сохранения фактически обанкротившихся предприятий правительство становилось их прямым участником. В правления предприятий вводились правительственные чиновники. Если эта мера оказывалась недостаточной, предприятие очень редко покупалось государством, чаще «бралось в управление» правительства, то есть, оставаясь юридически частной собственностью, управлялось только назначенными правительством чиновниками. После восстановления или временной консервации эти заводы вновь передавались капиталистам на весьма выгодных для них условиях³⁵. Аналогично государство действовало и в отношении крупных банков, спасая их от банкротства или в крайнем случае проводя ликвидацию банка таким образом, чтобы свести к минимуму убытки заинтересованных в банке капиталистов, вкладчиков и акционеров.

Госкапитализм, направленный в пользу банков, дополнялся и переплетался с необычными в XIX — начале XX в. видами государственного вмешательства в интересах укрепления государственного кредита и русского бумажного рубля. Прямое воздействие на фондовую биржу, непосредственные операции на ней, проводимые Государственным банком или частными банками по негласным поручениям министерства финансов, стали характерной чертой государственной кредитной и финансовой политики.

Таким образом, в российском госкапитализме уже на первом этапе полностью выявились два противоположных, а по сути своей внутренне связанных воедино направления: во время подъемов и общего экономического роста — форсирование развития предприятий, транспортных и промышленных, в особо покровительствуемых отраслях; а во время кризисов, депрессий и застоев, крупных хозяйственных затруднений более узкого значения — спасание банков и значительного круга крупных предприятий не только тяжелой промышленности, но и легкой и пищевой, если владельцами предприятий были влиятельные группы капиталистов (московские текстильщики, украинские сахарозаводчики)³⁶.

Второй этап российского госкапитализма начинается с экономического подъема 90-х годов и завершается кризисом 1900—1903 годов. Он являлся прямым продолжением первого этапа и вместе с ним выражал экономическую политику правительства в «тот период русской истории, который лежит между двумя поворотными пунктами ее, между 1861 и 1905 годами»³⁷.

Отличие второго этапа от первого определялось прежде всего тем, что экономика страны к началу 90-х годов значительно окрепла, получила некоторое развитие тяжелая промышленность в новых районах (Юг, Баку). Государственный бюджет был относительно упорядочен, денежное обращение несколько стабилизировалось, и была начата подготовка денежной реформы. В этих условиях стали более эффективными общие меры экономической политики, и особенно протекционизм, в отношении новых отраслей тяжелой промышленности. В высоком таможенном тарифе 1891 г. нашла выражение сложившаяся система российского протекционизма — таможенная защита как легкой, так и тяжелой промышленности. Введение в 1895—1897 гг. устойчивой золотой валюты

³⁵ Подобная политика проводилась и в пореформенный период в отношении уральских металлургических предприятий, но по другим мотивам — для поддержки их полупфеодалных владельцев.

³⁶ Характеристика первого этапа российского госкапитализма основана на документальном материале, содержащемся в работе И. Ф. Гиндина «Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 гг.)» (М. 1960). Наиболее существенные данные и выводы приведены в статье того же автора «К вопросу об экономической политике царского правительства в 60—80-х годах XIX в.» (см. «Вопросы истории», 1959, № 5).

³⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 300.

впервые открыло возможность привлечения иностранных капиталов в промышленность, притом в отличие от железнодорожного строительства без прямого участия и посредничества правительства. Тем самым отпала необходимость государственного финансирования новых предприятий тяжелой промышленности, которое имело для них решающее значение в 60—70-х годах, но по самой своей сути и вследствие недостаточных финансовых возможностей правительство должно было ограничиваться небольшим кругом предприятий.

В новых условиях экономическая программа правительства, направленная на ускорение экономического роста страны, получает более отчетливую формулировку в качестве программы, направленной на индустриализацию России. «Создание своей собственной промышленности,— писал С. Ю. Витте,— та коренная, не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольное основание нашей протекционной системы»³⁸.

Сущность «протекционной системы» в программных документах Витте расшифровывалась только в виде общих мер экономической политики. «Система» изобразилась всего лишь как сочетание защиты слабой еще русской промышленности от иностранной конкуренции с установкой на нестесняемый правительством прилив иностранных капиталов в промышленность. Практически же «протекционная система» охватывала все средства госкапиталистического воздействия на ускорение промышленного развития страны.

Прежде всего расширение железнодорожной сети по-прежнему рассматривалось правительством в качестве главного рычага экономического роста страны. 90-е годы были вторым и последним в истории русского капитализма этапом самого усиленного железнодорожного строительства. За 1893—1903 гг. железнодорожная сеть с 29 тыс. верст возросла до 58 тыс. (включая Китайско-Восточную железную дорогу). Подавляющее большинство прежних частных железных дорог перешло в руки государства, а до 40% нового железнодорожного строительства также осуществлено правительством. Из десятков старых частных железнодорожных обществ было сохранено только шесть хозяйственно устойчивых, которым поручалось остальное строительство железных дорог. В итоге к началу 900-х годов сложилось государственное железнодорожное хозяйство с придатком из созданных правительством шести крупных частных обществ, деятельность которых им детально регламентировалась. Частное железнодорожное строительство по-прежнему осуществлялось за счет гарантированных правительством займов. Огромное казенное строительство лишь в небольшой мере проводилось за счет увеличения государственного долга. В основном оно было проведено за счет «бюджетных излишков», то есть роста налогов, дополнительного ограбления крестьянских масс и трудовых слоев города.

Государственное железнодорожное строительство и хозяйство стали мощным рычагом форсирования развития тяжелой промышленности. Этому способствовали само строительство железных дорог в Донском бассейне и Закавказье, льготные тарифы на перевозки руды, угля, металлов, но особенно политика казенных, в основном железнодорожных заказов. Сосредоточение всех заказов внутри страны в интересах развития русской промышленности было объявлено составной частью «протекционной системы». Главной задачей промышленной политики стало создание собственной металлургии, полное освобождение страны от ввоза металлов извне; одновременно с этим, но на втором плане — развитие транспортного машиностроения. Основным средством для этого считалось «поощрение» организации новых заводов путем обеспечения им минимального устойчивого сбыта, но без финансирования и субсиди-

³⁸ См. «Материалы по истории СССР». Т. VI. М. 1959, стр. 164—165.

рования этих предприятий правительством. По договорам, заключенным в 1894—1896 гг. правительством с иностранными капиталистами, было учреждено Русско-Бельгийское общество (Петровский завод), реконструирован Дружковский завод Донецкого общества, основаны Харьковский и Луганский паровозные заводы. Правительство обеспечивало им заказы на 3—6 лет, но по ценам более низким, чем ранее. Многолетние заказы продолжались с 1893 г. и до конца подъема 90-х годов. Заказы на рельсы в 90-х годах послужили основой быстрого роста южной металлургии. Экономический подъем, высокие прибыли немногих старых предприятий, разрекламированные правительством за границей, успехи и перспективы промышленного развития страны и не менее разрекламированное «покровительство» промышленности усиливали прилив иностранного капитала и учредительство им новых металлургических, машиностроительных и других предприятий.

Второй этап отличался и новым проявлением госкапитализма. В период роста российского капитализма вширь на вооружение были взяты и госкапиталистические методы — учреждение частных, а фактически правительственных заграничных банков, дорожных и других предприятий. В Иране они возглавлялись сначала частным, а вскоре ставшим государственным Учетно-ссудным банком Персии.

В интересах помещиков-сахарозаводчиков в 1895 г. было установлено государственно-капиталистическое регулирование размеров производства сахара и цен на него, так называемая сахарная нормировка. Введенная затем государственная винная монополия стала одним из главных «устоев» государственного бюджета, она использовалась и для поддержки винокуренных заводов, принадлежавших помещикам, путем систематического повышения цен на закупаемый у них спирт.

Намного расширился льготный ипотечный кредит Дворянского банка.

Однако главная линия использования государственного капитализма в условиях самого длительного и сильного в истории России экономического подъема заключалась в ускорении капиталистической индустриализации страны.

Основное противоречие этой политики с аграрной политикой, направленной на консервацию полукрепостнических отношений в деревне, особенно резко проявилось в 90-е годы. Нарастание в этот период кризиса отработочной системы усугублялось усилением налогового ограбления деревни. В этих условиях закономерно наступивший после подъема экономический кризис стал в истории российского капитализма самым глубоким и тяжелым, а последующая депрессия — чрезвычайно затяжной.

С началом кризиса все средства российского госкапитализма были обращены на «борьбу» с кризисом, на смягчение его последствий. Главным орудием, как и на первом этапе (кризис 1873 г., затруднения 80-х годов), стало использование Государственного банка для самого широкого государственного некоммерческого финансирования терпящих бедствие крупных предприятий и банков. За два года и четыре месяца кредиты Государственного банка удвоились и возросли на 280 млн. рублей. Из этой суммы свыше 40% составляло неуставное финансирование. В частности, кредиты банкам увеличились на 70 млн. руб., а одним лишь металлургическим и машиностроительным предприятиям было предоставлено из Государственного банка 84 млн. руб., в том числе свыше половины этой суммы составляли неуставные ссуды.

Вмешательство правительства в деятельность предприятий проводилось значительно шире, чем на первом этапе. В спасаемые предприятия и банки назначались представители министерства финансов и Государственного банка, ряд банков и предприятий перешел в полное управление или в собственность этого банка. Среди них Невский, Кер-

ченский, Донецко-Юрьевский, Александровский сталелитейный, Богословский и некоторые другие уральские заводы. Железнодорожные заказы из средства форсирования роста покровительствуемых отраслей трансформировались в способ их поддержки, сохранения заводов. За 90-е годы правительство добилось снижения цен по железнодорожным заказам, особенно на рельсы. В условиях кризиса падение рыночных цен создавало возможность дальнейшего снижения цен по казенным заказам. Но правительство вместо этого подняло цены и установило их на повышенном уровне в качестве твердых цен на ряд лет. Общая сумма заказов снизилась, но они были закреплены за теми заводами, которые их выполняли накануне кризиса и примерно в тех же пропорциях. Следовательно, экономическая политика государства означала сохранение заказов за заводами на пропорционально сниженном уровне по «справедливым» ценам, обеспечивавшим заводам даже в условиях кризиса «нормальную» прибыль по заказам. Для распределения заказов была создана особая госкапиталистическая организация — Комитет по распределению ж.-д. заказов, действовавший до 1915 года.

Втянувшись в «борьбу» с кризисом, правительство логикой вещей зашло гораздо дальше, чем оно могло вначале предвидеть. Особенно ненормальным оказалось положение Государственного банка, который лишь в 1897 г. стал эмиссионным банком, призванным охранять золотую валюту и регулировать денежное обращение. Резко ухудшилось в условиях кризиса и состояние государственного бюджета. Засекреченные неуставные ссуды Государственного банка получили широкую, хотя далеко не полную, огласку и вызвали резкую критику со стороны буржуазии и помещиков. Вместе с тем становилась, в общем, ясной связь глубины кризиса с «поощрением учредительства» в годы подъема. Политика форсирования роста тяжелой промышленности была скомпрометирована как в буржуазных, так и правительственных кругах. По существу, глубина кризиса 1900—1903 гг. свидетельствовала о крахе политики капиталистической индустриализации, политики, сопровождавшейся упорной консервацией крепостнических пережитков и проводившейся путем дальнейшего ухудшения положения крестьянских масс. Крах этой политики обострял основное противоречие российской экономики, усиливал революционизирующие масс и приближал революцию.

Перелом в экономической политике был вызван революцией 1905—1907 годов. Подавив ее, правительство было вынуждено, по словам В. И. Ленина, стать окончательно на путь капиталистического развития, приступить к реакционно-помещичьей ломке обветшалых аграрных отношений. С этого времени наступил новый и наиболее сложный, третий этап российского госкапитализма. Последний прежде всего потерял свою основную функцию — воздействие на ускорение экономического развития России. Сумев уцелеть и опереться на крупную буржуазию политически (а не только социально-экономически, как до революции), царизм был значительно ослаблен. Ему нужны были «20 лет спокойствия», а его правительству — упорядочить расшатанный государственный бюджет, приостановить дальнейшее увеличение катастрофически выросшего во время войны и революции государственного долга, особенно внешнего, сохранить золотую валюту, обеспечить сбалансированный платежный баланс с заграницей. Царизм уже был не способен выдвинуть соответствующую новым условиям, сколько-нибудь цельную программу экономической политики.

Железнодорожное строительство по-прежнему признавалось правительством основным рычагом экономического развития страны. И в то же время в интересах «бюджетного благополучия» это строительство сначала свернулось почти до нуля, а затем велось в ничтожных по сравнению с 90-ми годами размерах. Промышленная политика повторяла зады «протекционной системы» Витте, но выхолащивала ее содержание.

Преемники Витте отвергли «подстегивание» промышленного развития и ставили чуть ли не в заслугу правительству естественный рост промышленности во время экономического подъема 1909—1913 годов.

Количественно госкапитализм на третьем этапе не убывал, но даже расширился, находя применение в железнодорожном транспорте и в кредитной системе, нося все более реакционный характер. Например, получили огромное развитие операции Крестьянского банка, поставленного на службу проведения столыпинской реформы.

Наконец, важная особенность третьего этапа российского госкапитализма заключается в том, что он относится целиком к периоду империализма в России, когда быстро развивалась монополизация промышленности и банков и формировался госмонополистический капитализм.

В российском госкапитализме (как, впрочем, и в Японии и на Западе в XVII—XVIII вв.) не проявилось тенденции к созданию того, что в настоящее время получило наименование государственного сектора в странах, ставших на путь самостоятельного экономического развития. Государственные промышленные предприятия России должны были лишь возмещать недостаточность частных капиталов или частной инициативы. Поэтому государственные предприятия после их организации и укрепления с легкостью передавались частным капиталистам на самых льготных для них условиях. В 60-х годах в правительственных документах было отчетливо сформулировано, что государственные предприятия не должны конкурировать с частными, не выпускать на рынок освоенные последними виды продукции. Поэтому число унаследованных от дореформенного периода госпредприятий было значительно сокращено путем продажи их частным капиталистам по низким ценам и с многолетней рассрочкой платежа. Однако было решено сохранить в руках государства военные и обслуживавшие их металлургические заводы Урала и Олонецкого округа. Это мотивировалось тем, что правительство не должно зависеть от частного капитала в области обороны страны.

Государственные предприятия временно пополнялись за счет особо покровительствуемых частных предприятий при банкротстве их владельцев. Но при первой возможности они передавались обратно тем же или продавались новым капиталистам. Исключение составляли два новых военных завода — Обуховский и Балтийский, ставшие госпредприятиями к 90-м годам. Таким образом, промпредприятия, будучи, несомненно, проявлением госкапитализма, не играли почти никакой роли в его направленности на капиталистическую индустриализацию страны⁴⁰.

В отличие от государственных промышленных предприятий железнодорожный транспорт еще и до его огосударствления на втором этапе приближался к государственному сектору в современном смысле⁴¹. В качестве такового он имел решающее значение для форсирования роста железнодорожной сети. Вместе с тем железнодорожное строительство и хозяйство служили наиболее эффективным средством госкапиталисти-

⁴⁰ В общей сумме материального имущества всей российской промышленности в 1913 г. в 6 083 млн. руб. госпредприятия составляли 296 млн. руб. (менее 5%), коммунальные — 312 млн. рублей. (См. А. Л. Вайнштейн. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М. 1960, стр. 312—313, 403).

А. И. Левковский правильно считает, что основным признаком современного госкапитализма является проникновение государства в базисные производственные отношения (Указ. соч., стр. 518). Это, как показывают приведенные цифры, не может относиться к госкапитализму в России и Японии, тем более к раннему госкапитализму на Западе.

⁴¹ В общей сумме материального имущества российских железных дорог в 1913 г. в 5 051 млн. руб. государственные дороги составляли 3 691 млн. руб., или 73%, и частные — 1 360 млн. (см. А. Л. Вайнштейн. Указ. соч., стр. 236). Вся же железнодорожная политика в целом определялась правительством.

ческого воздействия на развитие некоторых ведущих отраслей тяжелой промышленности. В таком же направлении использовались частично Государственный банк и аппарат министерства финансов, осуществлявший бюджетное финансирование (в первую очередь Кредитная канцелярия, которая была не только аппаратом надзора над банками, но операционно-финансовым органом).

Все же Государственный банк (а также Дворянский и Крестьянский) и Кредитная канцелярия в качестве крупных государственно-капиталистических органов⁴² были в первую очередь орудиями воздействия на всю кредитную систему, содействуя ускорению ее формирования в 60—70-х годах и ее укреплению в последующие десятилетия.

Используя все части государственно-капиталистического хозяйства, обширную хозяйственную деятельность государства ради капиталистической индустриализации, правительство не останавливалось перед тем, что такое использование наносило ущерб хозяйственно-финансовым интересам государственных предприятий и банков, государственному бюджету. Явным ущербом для государственного железнодорожного хозяйства были казенные заказы по завышенным ценам, для Государственного банка — долгосрочные неуставные ссуды, возврат которых являлся сомнительным даже в момент их выдачи, для бюджета — подобные же казначейские ссуды, не говоря о прямых субсидиях. Однако непосредственные интересы госхозяйства в этих случаях не имели для правительства самодовлеющего значения, отходили на второй план перед задачами «государственного значения», то есть задачами экономической политики.

Государственно-капиталистическое хозяйство России являлось частью государственного аппарата царизма и поэтому имело с ним много общего. Последний не был аппаратом буржуазного государства, а являлся порождением многовекового старого строя, с его рутинной, волокитой, межведомственным разнобоем и, наконец, «исконной» коррупцией. В период капитализма госаппарат, прежде всего экономические его органы и государственно-капиталистическое хозяйство, пополнялись и новыми людьми из разночинной и буржуазной интеллигенции. Однако это не могло изменить лица российского чиновничества и общего стиля работы госаппарата. Во главе царской бюрократии вплоть до 1917 г. находились выходцы не из буржуазных слоев, «а из старого, совсем старого, не только дореволюционного (до 1905 г.), но и дореформенного (до 1861 г.) поместного и служилого дворянства»⁴³.

Все это накладывало отпечаток и на государственное капиталистическое хозяйство (также и на меры капиталистического воздействия государства на экономику), намного снижало их эффективность на практике. Все это вызывало нарекания на «казенное хозяйство», резкую критику его в буржуазных кругах, исключая те узкие группы буржуазии, которые были заинтересованы в государственном хозяйстве в качестве его поставщиков, привилегированных получателей ссуд и т. п.

Таким образом, в организационно-хозяйственном отношении российское госкапиталистическое хозяйство существенно отличалось от современного госсектора, возглавляемого руководителями из среды национальной буржуазии.

Российский госкапитализм в отличие от современного выполнял свои функции, диктовавшиеся исторической обстановкой развития капи-

⁴² В 1900 г. ресурсы Государственного банка по сравнению с ресурсами (собственными и привлеченными) всех акционерных коммерческих банков составляли 85%. К 1914 г. Государственный банк и Кредитная канцелярия располагали около 2,2 млрд. руб. в России и за границей, что составляло около 45% по отношению ко всем ресурсам акционерных банков. Из 2,2 млрд. руб. почти 1 млрд. был предоставлен частным банкам.

⁴³ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 348.

тализма в России, ценой крупной растраты народных средств, пониженной эффективностью результатов госкапиталистической политики.

Оценка исторических итогов российского госкапитализма определяется тем влиянием, которое он оказал на экономическое развитие, на социально-политическую эволюцию России в период капитализма. При этом надо иметь в виду и характер влияния политической надстройки на экономику. Она может ускорять или задерживать ее рост, капиталистическое развитие в целом и в то же время воздействовать на него противоречиво, когда в самой экономике противоречия велики.

Государственный капитализм в конкретных условиях пореформенной России, с ее сильнейшими крепостническими пережитками и многоукладной экономикой, практически способствовал ускорению развития капитализма. Однако это лишь частично возмещало задержки в росте капитализма в России по сравнению со странами, где буржуазная революция ликвидировала остатки феодализма и домонополистический капитализм развивался в условиях «свободной конкуренции».

Российский госкапитализм был рассчитан не только на ускорение экономического развития страны, но и на дальнейшее сохранение крепостнических пережитков. Поэтому капиталистическое развитие России под воздействием государственного капитализма и государственного вмешательства носило односторонний характер, не затрагивало крепостнических пережитков в деревне⁴⁵. Более того, ускорение капиталистической индустриализации страны проводилось за счет дальнейшего ограбления эксплуатируемых классов. Все это усугубляло неравномерность экономического развития, обостряло социально-экономические и политические противоречия в стране. В конечном счете политика ускорения капиталистической индустриализации потерпела крах. Правительство после первой русской революции отказалось от этой политики, и госкапитализм на третьем этапе потерял даже свои скромные, относительно прогрессивные экономические функции.

Объективные результаты госкапитализма давали далеко не тот эффект, которого ожидало правительство. Форсируя развитие некоторых отраслей тяжелой промышленности, оно «насаждало» первые предприятия в новых отраслях. Однако возвращенные крупные заводы, особенно на первом этапе, были рассчитаны на государственный спрос, и поддержка их правительством растягивалась на десятилетия. Как более успешные (железнодорожное строительство), так и неэффективные меры (вроде спасения безнадежных предприятий) всегда вели к одному общему результату — к обогащению поддерживаемых узких групп капиталистов и к растущей материальной заинтересованности ведущих чиновников в «делах» капиталистов. Другим объективным результатом госкапитализма было ускорение концентрации производства и централизации капиталов еще в домонополистический период, возникновение ограниченного числа полумонопольных крупных предприятий и банков.

Это опосредствованное через политическую надстройку воздействие крепостнических пережитков на экономику страны, включая промышленность и банки, привело к значительным отклонениям российского капитализма от «классического» капитализма «свободной конкуренции». Со вступлением в период империализма российский госкапитализм влиял на ускорение процессов монополизации экономики.

⁴⁵ Немалую роль играл госкапитализм и в проведении реакционной аграрной политики царизма. Из 1,7 млрд. руб. ипотечных ссуд под залог сельских земель в 1900 г. 51% падал на Дворянский и Крестьянский банки, а в 1914 г. из 3,6 млрд. руб. — свыше 2,2 млрд., или 66,3%, еще 11% — на дворянские сословные банки и только 25% — на акционерные земельные банки. Огромные фонды принадлежавших государству «казенных» земель также использовались в интересах аграрной политики, например, переселении в Сибирь при проведении столыпинской реформы. (По нашим подсчетам.)

Широко разветвленный государственный капитализм в условиях развитого домонополистического капитализма привел к таким формам отношений между государством и капиталистическим хозяйством, между государством и крупной буржуазией, отчасти и помещиками, как «борьба» с кризисами способами непосредственного государственного вмешательства, как спасение крупных предприятий и банков, детальная регламентация их деятельности, воздействие на денежный рынок и биржу, обогащение за счет государственных средств отдельных групп крупной буржуазии. Такие формы отношений на Западе возникли значительно позднее, лишь после того, как монополистический капитализм перерос в государственно-монополистический. В частности, «борьба» с кризисами и спасение крупных предприятий и банков впервые стали там проводиться во время мирового экономического кризиса 1929—1933 годов. В России на основе государственного капитализма еще до первой мировой войны начали возникать отдельные государственно-монополистические органы, чего также не было на Западе. Эти ранние органы выражали особую поддержку монополий помещичьим государством.

Весьма показательно, что в России в домонополистический период, когда капитализм еще шел на подъем, широко развернулись те формы отношений между государством и капиталистическим хозяйством, которые стали характерными на Западе для периода общего кризиса капитализма, то есть для капитализма перезрелого и гниющего.

В социально-политическом смысле российский государственный капитализм отражал стремление самодержавия продлить власть и экономические привилегии крепостников-помещиков путем приспособления к капиталистическому развитию и использования его в своих интересах путем расширения социальной базы: найти опору в крупной буржуазии сперва экономически, а затем и политически. Вместе с тем госкапитализм способствовал приспособлению крупной буржуазии к политическому господству помещиков и сохранению крепостнических пережитков, а позднее и к приспособлению монополистической буржуазии к столыпинской чистке обветшалых аграрных отношений. Госкапитализм выражал союз царизма и помещиков с крупной, а затем и монополистической буржуазией. Он вбирал в себя и противоречия союза, слабые на первых двух этапах российского госкапитализма, значительно возросшие на третьем. Подобный социально-политический смысл имел и ранний госкапитализм на Западе, где абсолютизм стремился в собственных интересах опереться на зарождающийся капитализм и формирующуюся буржуазию.

Гораздо большего удалось достигнуть на том же пути российскому самодержавию в иной исторической обстановке. Его материальная основа — пережитки исторически затянувшейся феодально-крепостнической формации — была в условиях развитого капитализма расширена за счет весомого государственно-капиталистического хозяйства. Не формирующийся пролетариат, а сложившийся рабочий класс во главе со своим революционным авангардом — Коммунистической партией противостоял буржуазии, и это вынуждало ее видеть спасение в царизме, несмотря на наличие в эксплуататорском лагере значительных, ослаблявших его противоречий.

Социально-политический смысл российского госкапитализма подтверждается и тем, что наряду с Россией госкапитализм во второй половине XIX в. получил наибольшее распространение в другой стране военно-феодального империализма — в Японии. Коренным образом от госкапитализма этого типа отличается современный госкапитализм развивающихся стран, с его антифеодальной и антиимпериалистической направленностью, с заложенными в нем возможностями развития по некапиталистическому пути.